

КОНСТАНТИН НОРМАЕР

ХРАНИТЕЛЬ ИСТОРИЙ

Константин Нормаер
Хранитель историй

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нормаер К.

Хранитель историй / К. Нормаер — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Он берет перо, макает его в чернильницу и рождается новая история. Немного грустная, немного необычная, но каждый раз пугающая до жути. И тогда мир оживает, обрастая городами и людьми, а морской бриз начинает кружить над каменным портом, возвещая о приближении корабля-призрака, который обязательно встанет на якорь. И тогда сойдет на берег он - человек без крови и плоти. И в очередной раз попытается сразиться с Хранителем историй.

© Нормаер К.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
День первый. Когда в дом Джейсонов приходит старинный друг, а Рика охватывают тревожные воспоминания	8
День второй. Когда розы становятся серыми, а старьевщик теряет голову	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Константин Нормаер

Хранитель историй

Предисловие

За окном раздался едва уловимый шорох, и после невыносимой дневной жары в комнате повеяло приятной прохладой. Мистер Люкси фа Рипс заводил носом, словно крот, учуявший приближение непрошеного гостя. Створка окна заскрипела и отворилась. Свежий ветерок, стараясь не беспокоить хозяина комнаты в кривом флигеле, осторожно зашелестел по полу, утонув в ворохе бесчисленных бумаг.

Мистер Рипс отложил перо, подошел к окну и взгляделся в туманный горизонт. Вдалеке, над самой кромкой леса полыхнуло, и свинцовое небо озарили короткие всполохи. Созерцатель поежился и, вместо того чтобы плотнее закрыть окно, распахнул его настежь. Покои тут же пронизала волна невероятной прохлады. После двух недель засухи приближавшийся дождь казался манной небесной. Надменная стихия все-таки сжалилась над земными рабами и даровала несчастным созданиям немного благодати.

Тучи медленно поползли в сторону дома, а хоровод листьев, круживших по округе, стал предвестником настоящей бури.

Неторопливо сложив бумаги и длинные гусиные перья, Рипс покосился на стоявшую у края стола чернильницу. Ее иссиня-черная поверхность дрогнула и забурлила, словно горячий бульон.

Тяжелые тучи властно пожирали светлые частички неба, вальяжно расплывались над крышей дома. Подхваченная потоком ветра оконная створка ударилась о стену и разбилась вдребезги. Девственно чистые листы бумаги разлетелись по комнате, сведя все усилия мистера Рипс к нулю.

– Ко всем мертвецам эту погоду! – сквозь зубы процедил старик и медленно зашагал к выходу.

У резной двери, на которой красовались массивные фигуры двух зубастых драконов, хозяин комнаты остановился и оглянулся, а потом отчего-то посеменил обратно.

Природа ликовала, скидывая с себя шелуху ужасной духоты, в мир приходила долгожданная прохлада.

У линии горизонта все чаще стали мелькать росчерки молний, словно на той стороне леса шло наступление, и несмолкаемые канонады возвещали о скорой победе над врагом. Первая капля бойко ударилась о стекло и, растянувшись змеей, медленно стекла вниз, за ней вторая и еще одна...

– Ох, не вовремя, как не вовремя, – запричитал Рипс.

Окно быстро покрылось извилистыми потеками, скрыв из виду небывалое буйство природы. Взор пожилого хранителя привлекли разноцветные переливы, казавшиеся чем-то невероятным в этом царстве темных полутонов.

Грозные тучи уже обложили все небо, окутав одинокий дом фигурами ужасных чудовищ. Прямо в центре небесного полотна, освещенного многочисленными зигзагами молний, возник образ скорчившейся горгульи, за ним – призрачный вампир, а завершал парад монстров осклизший волк.

Рипс и сам ошетинился, словно загнанный в ловушку зверь. Он с жадностью наблюдал за огромными монстрами. Его пальцы нервно забарабанили по стеклу, повторили стук дождя. Развернувшись на месте, хозяин комнаты в один миг оказался у письменного стола. Лист бумаги, чернильница и перо были уже наготове. Первая строчка вышла неровной, вроде

как острожной, будто старик только притрагивался к чему-то сокровенному, пытаясь прислушаться к новой истории, уловить самое ее начало.

Такая погода сегодня была неслучайной. Подавая знак, она сулила не только избавление от давних воспоминаний, а и возвращение к былой юности. Что ж, ничего страшного, в его заглавнике обязательно найдется место для еще одной истории.

За окном снова гроыхнуло. Дождь обещал обратиться настоящим ливнем...

Ливень начался с самого утра и не думал прекращаться. Дороги к кладбищу размыло, и когда гроб проносили через ворота, тот с грохотом упал в самую жижу. Толпа испуганно охнула и подалась назад. Священник несколько раз перекрестил собравшихся, затем себя, и вскоре процессия продолжила свое скорбное шествие.

Немногочисленная гурьба знакомых, приятелей и просто праздных зевак сгрудилась вокруг гроба, и сочувственно переговаривались между собой, слушая поминальную речь пастыря.

Рик Джейсон не знал и половины из тех, кто сегодня пришел на Старое кладбище. Весть об очередной жертве Химеры¹ разнеслась по городу за считанные часы. Гроб, в котором покоилась сестра Рика Джейсона, был намертво забит дюймовыми гвоздями – никто не должен видеть изуродованного тела Клер. Низко склонив голову, Рик стоял возле свежерытой могилы и молчал.

Тяжелые капли били по крышке гроба, а священник все говорил, не прерываясь ни на секунду. Вначале о жутком несчастье, свалившемся на город, потом о святых, ждущих на небесах убиенную мисс Клер Джейсон, ну а в конце упомянул о Химере, которая словно мор разгуливает по мрачным улицам и с невиданной доселе жестокостью губит ни в чем неповинных горожан. Обрывки фраз, что долетали до Рика, заставляли его непроизвольно содрогаться.

Химера... Химера? Химера! Сколько раз за последнюю неделю он слышал это имя: совершенно безликое и отдающее туманной пустотой. Раньше он не верил в морского монстра, пожирающего человеческие души. У его страха было иное имя. Только какое теперь это имело значение?! Он потерял самое дорогое, что было в его жизни. Лишился единственного любящего и преданного сердца.

Когда поссорился с Клер, он не стал слушать ее извинений. Струсил, сбежал без оглядки. Непоправимая ошибка... Если бы они держались вместе, все могло бы сложиться иначе. Страшное проклятие не сломило бы их семью, не разбросало в разные стороны. Только фортуна не любит неудачников и не идет навстречу трусам и лжецам. Он мог все изменить, но не стал. Не захотел... Или просто выбрал более легкий путь...

В очередной раз Рик чертыхнулся, кляня собственные мысли, отражающие его эгоистическую сущность. Только куда деваться от правды! Она оказалась слишком очевидна, чтобы отрицать, а главное не принимать ее всерьез.

Проклятие семьи Джейсонов, опутав их своей паучьей сетью, разменяло еще одну жизнь на дубовую крышку гроба. И можно было сколь угодно клеймить родителя за неверный шаг; презирать друзей, что вовремя не подставили плечо; ненавидеть слепой случай, разыгравший с судьбой худую карту... только все это бессмысленно. Истина скрывалась совсем в другом.

Жители Прентвиля называли его Химерой. Что ж, не самое плохое имя для того, кто погрузил город в жуткие кошмары бытия. Именно он открыл в каждом из них низменное и отвратительное, а глупость и страх сделали свое дело. Горожане превратились в глупых марионеток, которых дергает за нитки одно древнее существо.

---

¹ Химера – ужасное создание, предвестник скорой гибели. По древним приданиям: властитель всех утопленников и погибших в морской пучине.

Боясь собственной тени, жители забивали на ночь ставни и двери, давая возможность старым воспоминаниям поглотить улицы. Но ничего не помогло. Количество жертв росло с каждым рассветом. Постепенно. День за днем. Так чтобы люди привыкли к обреченности и воспринимали ее как неизбежную действительность, потому что химера не собирался останавливаться. Он разгуливал по городу, по следам тех, кто много лет назад посмел бросить ему смелый вызов...

Нет! Все было совсем иначе. Он никуда не уходил и всегда был рядом, просто выжидал удобный момент, чтобы нанести последний удар. И если бы кто-то решил выкинуть кости и поинтересоваться у проказницы-судьбы, верит ли она в благостный исход это предприятия, то ответом стали бы две единицы.

Юноша не спеша вспоминал собственные ошибки. Как он был наивен! Или, называя вещи своими именами, попросту глуп! Не смог в нужный момент рассмотреть очевидного обмана...

Его стала колотить нервная дрожь. Рик бросил последний взгляд на гроб и вновь опустил голову. По щекам его стекали крупные капли, но никто не знал, плачет ли он на самом деле, или это всего лишь дождь.

Люди, населяющие проклятый город, наконец-то научились сострадать хрупкой человеческой жизни. Сострадать, но не ценить.

А началась эта история ровно двенадцать дней назад...

День первый. Когда в дом Джейсонов приходит старинный друг, а Рика охватывают тревожные воспоминания

В дверь осторожно постучались. И только спустя пару секунд приятный звук колокольчика разлетелся по крохотным комнатам и, достигнув библиотеки, исчез между ровных рядов книг.

В меру образованный и весьма усидчивый юный мистер Рик Джейсон нечасто бывал в святая-святых своего покойного родителя. Собрав невероятную коллекцию книг, глава семейства так и не успел окончательно оценить собственный труд, возложив столь почетную миссию на своих потомков. Однако Лиджебай Джейсон просчитался. Он обеспечил своим отпрыскам вполне достойное образование, он не сделал лишь одной сущей мелочи – забыл отдать крохотный ключик от собственной души. Безумная любовь к книгам так и осталось только его уделом. Именно по этой причине дети Лиджебая заглядывали в библиотеку скорее от скуки, чем от праздного любопытства.

Отложив в сторону толстый фолиант с броским названием «Секреты и загадки корабельного дела», Джейсон-младший нехотя прыгнул со стремянки и не спеша направился к двери. В такие минуты ему ужасно не хватало прислуги. И он в тысячный раз дал себе зарок, что когда разбогатеет, первым делом обязательно обзаведется расторопной служанкой или смышленным дворецким. Однако до несметных сокровищ было еще далековато, и Рiku пришлось встречать гостей самому.

Колокольчик откликнулся еще пару раз и затих. Молодой человек, которому было чуть больше четырнадцати, на секунду замешкался, решая, отозваться на просьбу гостя или остаться в неведение, отложив неудобный визит на потом. Но излишняя любознательность сделала выбор за него. Вдохнув, он надавил на ручку, потянул дверь на себя и впустил внутрь приятную весеннюю свежесть.

На пороге стоял высокий одутловатый мужчина в потрепанной морской куртке, свободных парусиновых штанах и давно потерявшей былой цвет треуголке. Смакуя вкус табачного аромата, незнакомец выдохнул в лицо юноше струйку сизого дыма и довольный собой улыбнулся. Бородатое лицо расплылось в стороны, напомнив Рiku старую корабельную швабру.

– Мистер Лиджебай Джейсон? – оглядев юношу с ног до головы, уточнил гость.

Имя отца Рика слегка смутило, но вдаваться в излишние расспросы он не стал.

– Простите, мистер, но вы ошиблись. Ли Джейсон был моим родителем. И он, увы, второй год как на небесах...

– Вот и замечательно! – несколько не огорчился незнакомец. – Передавайте ему мой пламенный привет, когда будите ставить свечу за упокой...

Просьба показалась Рiku по меньшей мере кощунственной, но он в очередной раз оставил эмоции при себе. Не дожидаясь приглашения, бесцеремонный гость отстранил хозяина дома и важно прошествовал внутрь. По дороге в гостиную, стряхнув с себя дорожную пыль, он несколько раз смачно чихнул, после чего плюхнулся в любимое кресло покойного мистера Джейсона и расслаблено потянулся. Хруст старых костей разнесся по залу, напомнив треск костра, в который подкинули еловые ветки.

В голове Рика незамедлительно родился образ дворецкого-великана, способного с легкостью циркового силача, выставить невежу за порог. Но к сожалению, выдуманный юношей помощник не мог справиться с реальной проблемой, ворвавшейся в его дом бедственным ураганом.

Тем временем нерадивый гость принялся до отказа набивать трубку табаком, причмокивая и сопя как медведь. Через секунду он вновь закурил. Рик наблюдал за здоровяком, не решаясь сделать ни единого замечания, которые благополучно копились в его голове. Мистер Лиджебай ненавидел табачный дым и никогда не позволял вредной привычке распространиться по дому – даже близкие друзья не являлись для него исключением. Юноша помнил это правило, но робость перед незнакомцем сковало его невидимыми цепями, заставив промолчать и на этот раз.

– Итак, юный Джейсон, расскажите, как вам живется в здешнем муравейнике? – нарушил витающее вокруг напряжение гость.

Рик растерялся. Открыл было рот, но так и не успел возмутиться. Между тем незнакомец продолжил задавать вопросы:

– Наверное, ужасно тяжело после смерти вашего никудышного папашки? Одни долги чего стоят! Я слышал, их накопилось предостаточное количество. Не боитесь потерять крышу над головой?

Последние слова окончательно вывели из себя Джейсона-младшего. Спокойный до этой минуты, он ошетинился будто дикий зверь и, натурально зарывав, едва не накинута на здоровяка. А следом вырвалась резкая тирада, которая в любое другое время осталась бы при юноше. Но грань терпения давно лишилась оков сомнения.

– Да как вы смеете, мистер! Что себе позволяете! Врываетесь в дом без приглашения... Говорите гадости о покойном... Пугаете нас безденежьем, при этом даже не удосужились назвать свое имя! Невежа! Вот вы кто, мистер. Невежа и есть!

Раньше он не позволил бы себе повысить голос, тем более, в присутствии постороннего. Но сегодня был особенный день, да и гость подобрался соответствующий. Позабыв о домашнем этикете, Рик продолжил ревностно отстаивать честь своей семьи. И как закономерный итог, незыблемые правила отца – как необходимо вести себя в обществе и держать такт беседы, потеряли всякий вес.

Незнакомец никак не отреагировал на колкие замечания, а лишь направил разговор в иное русло. Но для начала, все же, соизволил представиться:

– Меня зовут мистер Сквидли... а некоторые кличут иначе – Томас сей Локс, остальные и вовсе – Трипси Дикфредом. Это тоже мои имена... хотя, если вам будет угодно, зовите меня просто – Невежа. Мне лично все равно.

– Зачем вы пожаловали в наш дом, мистер Невежа? – ощущая нарастающее раздражение, выпалил Рик.

Но гость оставил этот вопрос без внимания. Да он просто издевается над ним! – внезапно догадался Рик, отчего злость окончательно взяла верх, породив твердое желание прекратить с наглцом бесполезную беседу. Останавливало лишь одно: Джейсон-младший, неукоснительно выполнявший правила своего отца, никогда в жизни не вступал в конфликтные ситуации и уж тем более, не участвовал в драках. Получал тумаки – да; давал сдачи – пожалуй, нет. Он не мог припомнить за собой таких оглушительных подвигов.

– Я же назвал вам свое имя. Разве этого мало? – над столом повисло очередное серое кольцо, и повеяло терпким вкусом горького табака.

– У меня много дел, я попросил бы... – Рик хотел указать Невеже на дверь, широким жестом и как можно красноречивее, но гость отреагировал быстрее. Замахав руками, он стал то ли кашлять, то ли нервно смеяться.

– Ну право слово, может быть хватит, юноша! Довольно. Уж совсем запугали бедного мореплавателя, который, надо заметить, является приятелем вашего ханжеского папашки. Ох, как все-таки скверно он воспитал своего приемника. Надеюсь, ваша сестра все-таки менее вздорная особа?

Рик уже собирался гневно поинтересоваться, откуда тот знаком с Клер, но вместо этого затравлено прошептал:

– Так вы знали моего отца?

– О, еще как знал. Сказать знал – значит не сказать ничего. Я провел с ним плечо к плечу не один год, бороздя океан на нашем быстроходном галеоне. Приключения, погони, стычки! Мы были славной командой. Кстати, между прочим, это именно я подарил вашему отцу его первую раритетную книгу. Именно с нее он начал свою коллекцию. Да, славные были времена. Свобода во всех ее проявлениях. Никаких тебе правил, запретов и страхов.

Заворожено вдыхая слова мистера Невежи, Рик отчетливо представил, как из сизого дыма выплывает огромный трехмачтовый корабль и палит сразу из всех орудий.

– Эх, славные были времена... Жаль только прошлое редко возвращается к нам. Может быть, только в мечтах, – тем временем подытожил гость.

– Постойте, – внезапно опомнился Рик, – вы же сами спутали меня с отцом. Как же такое возможно?

– Всего лишь минутная слабость, юноша. Когда я впервые познакомился с ним, он был примерно вашего возраста. А внешне вы одно лицо, словно близнецы.

Хотя возможность послушать историю о давних странствиях заинтриговала Рика, он все же с недоверием воззрился на мистера Сквидли.

– Но отец, насколько я помню, никогда не рассказывал о вас. И могу поклясться, что моя сестра тоже не слышала названного вами имени.

Гость грустно вздохнул:

– Ваша правда, юный Джейсон. Наша крепкая дружба разлетелась в щепки также внезапно, как и началась. Та же участь ждала и наш корабль. Мы сели на мель неподалеку от дешевой бухты.

– Что же послужило причиной? – Рик всем своим видом изобразил сомнение.

Прищулив правый глаз, гость пронзил юношу острым как бритва взглядом.

– Это произошло достаточно давно, и мне не хотелось бы отнимать ваше драгоценное время утомительными воспоминаниями. Но если вы спросите меня, зачем я пришел, то я отвечу – уж точно не затем, чтобы беречь старые раны.

Рик скрестил руки на груди, чем в очередной раз выказал недоверие. После минутной паузы решительно заявил:

– Мистер, я требую, назовите истинную цель вашего визита! А если таковая отсутствует, прошу незамедлительно покинуть мой дом.

Сквидли только удивленно хмыкнул, оперся на подлокотник и победоносно щелкнул пальцами, чем окончательно вывел юношу из себя.

– В самую точку, юный Джейсон. Меткий выстрел, поberi меня морской трезубец. Узнаю старину Лиджи. Виват! В тебе не сразу разглядишь непреклонность отца. Интересно, где ты ее отыскал? Среди бездарного хлама своих правил и постулатов?!

Либо моряк издевался, либо явно страдал душевными расстройствами – другого Рик предположить не мог. Общаясь с юношей довольно странным образом, тот с легкостью лиса умудрялся игнорировать очередной вопрос, склоняя беседу в удобную ему сторону. Почувствовав ужасную обиду, Рик едва сдержал подкативший к горлу ком. Теперь он прекрасно понимал, как у человека может возникнуть жгучее желание решить словесный спор дуэлью. Но ненависть и на этот раз развеялась табачным дымом. Правила отца действовали на отпрыска не хуже сильнейшего успокоительного.

«Подавляй свой гнев всегда и везде. В противном случае, считай беседу оконченной, все одно она не пойдет тебе на пользу».

Глубоко вдохнув, Рик быстро обрел былое спокойствие. Еще раз оценил обстановку, проследил за мистером Сквидли, который тем временем отрешенно разглядывал пасторальные

пейзажи картин. А затем взвесил все «за» и «против», набрался смелости и принял окончательное решение. Встал и быстрым шагом направился к двери.

«Позвать стражей и пускай вышвыривают наглеца куда подальше». Мысль показалась юноше более чем правильной. Живо представив картину быстрой расправы, Рик приободрился и уже готов был осуществить затеянное, когда его остановил резкий оклик:

– Мне нужна последняя, неоконченная книга вашего отца. Дневник его мемуаров. Слышите? Она по праву принадлежит мне. Только мне и никому другому.

Рик замер и медленно обернулся. Добившись нужного эффекта, мистер Сквидли продолжил:

– Я уверен, ваш отец только начал работу над ней. Всего пару первых строк... Но, к сожалению, не успел. Смерть настигла его весьма внезапно. Поэтому я здесь. Ну а книга – всего-навсего клочок бумаги. Вам она совершенно ни к чему, а мне необходима. Если дело в деньгах, могу предложить за нее неплохое вознаграждение. Но право слово, согласитесь, такие вещи отдаются безвозмездно, с открытым сердцем и никак иначе.

Наступила тишина, странная, неприятная, как пробуждение после ночной лихорадки. А в следующий миг, словно отголосок неумоимого времени, комнату наполнила дробь барабанных по столу пальцев. Гость ждал ответа.

– Но только ни в этот раз, – отрезал Рик.

Монотонный звук прекратился. В одну секунду мистер Сквидли оказался на ногах, и в грудь юного Джейсона уперся загубник курительной трубки. Ожидая услышать ругательства и проклятия, Рик ошибся. Моряк лишь коротко кивнул в ответ и добавил:

– Вы совершаете непростительную ошибку, мистер! – и с этими словами вышел вон. Также стремительно как появился.

Случайный сквозняк разметал несколько чистых листов, которые неизвестно каким образом попали на крохотный деревянный столик. Раньше Рик никогда не допустил бы такого беспорядка, поскольку Лиджебай Джейсон люто ненавидел любое проявление бардака, а стало быть, и на этот счет в доме существовало определенное правило.

«Как быстро забываются запреты», – мысленно произнес юноша, приводя гостиную в порядок.

Порывистый ветер исполнил-таки роль дворецкого, пускай и с небольшим опозданием. Дверь со скрипом захлопнулась, и Рик устало повалился в отцовское кресло, смяв пару исписанных черновиков, словно ненужный носовой платок. Мистер Невежда оставил после своего визита неприятное послевкусие и полностью оправдал свое прозвище, пустив в дом еще одного скверного гостя. Неприятные воспоминания, будто термиты, вгрызлись в деревянные стены, готовясь пробудить в памяти младшего Джейсона печальные дни похорон.

Табачный дым еще долго витал под потолком, когда Рик утонул в отнюдь не радужных мыслях...

В тот скверный дождливый день он разговаривал с отцом в последний раз. Глава семьи требовательно указывал на ошибки, а сын безропотно слушал. Все как всегда, за одним значительным исключением – тем вечером Лиджебай Джейсон вел себя с Риком весьма мягко и непоследовательно.

* * *

Стараясь не отвлекать отца попусту Рик попытался прошмыгнуть мышкой в свою комнату. Но в этот раз трюк не удался. Громкий кашель остановил юношу прямо посередине коридора, ведущего в библиотеку. И теперь ему следовало ожидать очередного нравоучения. Но вместо назидания Лиджебай лишь поинтересовался:

– Ты чем-нибудь занят?

Рик удивленно пожал плечами, не предполагая такого поворота событий.

– Зайди, – требовательно велел отец.

Юноша повиновался. Когда он осторожно перешагнул порог библиотеки, которая всем своим видом показывала, что внимательно следит за строжайшим соблюдением тишины, Рик все-таки оступился, в буквальном смысле этого слова. Половица под ногами предательски скрипнула и выбила ногу. Отец тут же отреагировал, но не так как обычно.

– Чего копаешься? Кому говорю, давай скорее.

Его взволнованное состояние тут же передалось сыну. Оставшийся шаг Рик проделал на одном дыхании. Он практически подскочил к стремянке, на которой восседал мистер Лиджебай, и резко остановился. Библиотека отозвалась недовольным шуршанием, напоминая правило поведения в ее сокровенных недрах.

Возможно, юноша ничего и не заметил бы, но именно тогда, впервые в жизни, свод законов главы Джейсонов дал глубокую трещину.

«Не шуметь и не топтаться в библиотеке! Не исполнено».

Стена запрета пала. Отец, сам того не осознавая, дал слабину, противопоставив неукоснительному табу свое милостивое дозволение. Быть может, он сделал это намеренно? Рик не думал об этом. Год назад его уж точно не заботили подобные мысли.

Аккуратно выставив вперед негнущуюся ногу, старший Джейсон медленно спустился вниз и протянул сыну две старые и весьма потрепанные книги.

– Вот, держи. Отнесешь их старьевщику, мистеру Сквали.

– Старьевщику? – боясь ослышаться, на всякий случай уточнил юноша.

– Да, именно старьевщику. Не заставляй меня твердить тебе одно и то же по сто раз, будто ты безмозглый попугай. Если я сказал, то надобно делать, а не переспрашивать!

Рик быстро кивнул. Отец явно пребывал в плохом расположении духа. Впрочем, за последнюю пару лет подобная агрессия стала его привычным состоянием. Постоянно что-то бурча себе под нос, Лиджеба частенько взрывался словно порох, пытаясь на все вокруг навешать ярлыки бесконечных запретов и ограничений.

– Требуй десять суонов, не меньше. Это очень старые, редкие книги. Они содержат в себе основы судостроения. Все понял?!

Рик благоразумно решил не спорить, уверенно кивнул и поспешил исполнять поручение.

Старьевщик долго рассматривал разлохмаченную обложку, принялся к растрепавшемуся переплету, даже откусил кусочек листа, а затем попробовал на вкус.

– Чего-то удивительно мне... А вдруг ты умыкнул их у своего папашки? Сейчас расплачусь с тобой, а завтра он заявит ко мне и предъявит. Что тогда делать?

В юношу уткнулся придирчивый взгляд старого плута.

– Я не вор и не обманщик. Говорю, отец наказал исполнить! Значит, так оно и есть, – играя скулами, заявил Рик.

– Ну да, ну да, – вроде бы согласился старьевщик, не спеша отдавать законную плату.

– За обе книги я хочу десять суонов. Это последняя цена, и обсуждению не подлежит, – тут же добавил юноша.

– Ого! – поразился покупатель, протяжно шмыгнув длинным крючковатым носом. – Не дороговато ли?

– Это бесценные книги, – наугад ляпнул Рик. Ему ужасно не хотелось возвращаться домой и искать оправдания за собственный промах.

– Бесценные... не ценные.

Отложив товар в сторону, старьевщик исчез за стеной покрытого пылью стеллажа. Из глубины лавки послышался шорох, а вскоре раздался невероятный грохот. Рик вздрогнул, но остался на месте. Сработало очередное правило: «Никогда не смей решать чужие проблемы, пока тебя настоятельно не попросят об этом. Но даже в этом случае десять раз подумай. И в

итоге, откажись, сославшись на излишнюю занятость. Накличешь беду только на себя, а благодарность не получишь».

Так он и дождался, пока воцарится тишина, исчезнут посторонние шумы, и лишь потом осторожно произнес:

– Мистер Сквали, вы в порядке?

Старьевщик не отозвался.

– Может быть, я зайду позже? – не отступая от правила номер тридцать шесть и две четверти, уточнил юноша.

В ответ послышалось шуршание, и вскоре мистер Сквали дал о себе знать, протяжно застонав и выкрикнув пару крепких ругательств.

Рику был неприятен этот мерзкий пронирливый старикашка, который словно жадный крыс копошился в куче своего серого богатства. И юноша с удовольствием бы полюбовался на то, как пожитки мистера Сквали обрушились на маленькую с проплешинами голову того. Но, увы, мошенник оказался достаточно живуч. Тяжелое с хрипотцой дыхание вырвалось из глубины пыльного зева, возвестив о скором возвращении.

– У меня появилась идея получше, юный мистер, – кряхтя и кашляя, объявил старьевщик.

«Видимо, даже Всевышнему неужидна такая мерзкая душонка. И он решил оставить ее на земле для нашего смирения, – рассудил Рик, увидев мистера Сквали невредимым. – Да уж, этот хитрец не успокоится даже на том свете: возьмет и скупит у дьявола всевозможные прегрешения, а потом продаст втридорога, обратно его рогатому величеству».

– Что же вы решили мне предложить? – уточнил Рик, чувствуя, как пелена обмана уже опутывает маленькую лавку своими липкими сетями.

– Давайте меняться. Меняться выгоднее, чем получать звонкие монеты. Деньги что – потратил и забыл. А вещь, она надежнее. Ей можно пользоваться очень долго. К примеру, сделаем так: за ваши две книги я предложу вам три пары старых ботфорт, одну слесарную пилу, правда, со сточившимися зубчиками и почти новую трость с орлиным наконечником. Пять к двум. Ну что?! Решайтесь! По-моему, невероятно выгодное предложение.

– За две потрясающие книжки? – поразился Рик.

– Потрясающие? Ну это вы зря, юный мистер. Так уж и потрясающие? Вы еще скажите – безупречные, – возразил старьевщик и сразу начал объяснять, указывая пальцем на выявленные недостатки: – Вот, посмотрите сюда. Здесь совсем рассохлась... А вот тут – почти невидны строк... Я уж не говорю про оторванную страницу. Она же самая первая, а получается самая важная. Разве не так?

– Что?! Да как вы смеете! – Рик едва не схватился за голову. Такой очевидный обман. Он был возмущен до глубины души. – Вы же сами ее откусили...

– Я?!

– Вы! А кто же еще?

– Юноша, вы забываетесь! Хотите сказать, что я решил отобедать вашим справочником судостроения?! Да вы в своем уме! Кто вам поверит?!

И в этот самый миг Рик понял, что угодил в силки старого крыса.

– Вот я и говорю, – желчно улыбнулся старьевщик и потер ладони. – Пять вещей лучше двух... Иначе не сторгуемся.

Дома он не оправдывался и не пытался объясниться, просто стоял и смиренно вздыхал. Отец долго рассматривал рваную подошву одного из ботфорт, потом провел пальцем по зубчикам пилы, а на трость бросил лишь мимолетный взгляд и, наконец, вынес свой вердикт:

– Это действительно очень ценные вещи!

«Не может быть!» – Рик едва не взвыл от удивления.

– Не радуйся раньше положенного, – заметив на лице сына проявившийся румянец, отец стал мрачнее тучи. – В целом ты не справился с поручением и наказание неизбежно.

Справедливое решение, чему тут удивляться. Мир за порогом дома Джейсонов сильно отличался от привычных людских устоев. Мир, созданный главой семьи, где действовали совсем другие законы. Там, за чертой дома, у тысячи детей был праздник вседозволенности, а у Рика – лишь упреки и порция розг. А заодно и новое правило на закуску.

– Воспринимай наказание достойно, с мужеством. Никогда не проси отсрочки и помилования, – учил отец, воздавая по заслугам своему отроку. До тех пор, пока правило не срывалось с дрожащих губ юноши.

Когда последний удар оставил на спине отпрыска глубокую алую борозду, он шмыгнул носом и покорно одернул рубашку.

– Теперь ты понял свою ошибку? – поинтересовался мистер Лиджебай.

– Безусловно, – соврал сын. На этот случай он воспользовался еще одним правилом отца. Правда, истолковал он это самое правило весьма превратно. Только родителю знать об этом было совсем необязательно.

* * *

Рик недовольно поморщился, прогоняя прочь тягостные воспоминания. Сейчас он практически избавился от «Свода ограничений мистера Лиджебая Джейсона», и поэтому стоило навсегда позабыть обиды, которые он терпел ни один год. Он замкнул дверь на засов и вернулся в библиотеку перебирать старые книги – целое состояние, которое можно продать, подарить, или, на худой конец, растопить ими камин. Одна беда – из головы никак не выходил странный визитер, пожелавший заполучить неоконченный дневник отца. Стоило ли ему верить? Хорошие деньги за стопку пустых страниц – ну а почему бы и нет!

Рик усмехнулся. Очередной обман, на который он не попадетсЯ ни за что на свете. Наверняка гостЯ интересовало совсем другое, к примеру, старые чертежи или коллекция охотничьего оружия.

– Мистер Невежа. Мистер Жуткий невежа, – состроив рожа, недовольно произнес юноша. – Шиш тебе, а не книги! Лучше сожгу их все, чем отдам такому пройдохе как вы...

Откинув один из фолиантов в сторону, Рик зло уставился на тисненные золотом обложки, которые немой стеной взирали на своего нового хозяина.

– Что вылупились?! – рявкнул юноша.

Ответа не последовало. Книги не привыкли слышать человеческую речь, здесь, в храме тишины. Легкое шептание, сбивчивые мысли, сокровенные мечтания – да, но только не пронзительный крик. Нет. Злость, отчаянье и иные эмоции были чужды этому сакральному месту. Книги не терпели столь рьяных проявлений человеческой возбужденности.

Рик раздражался все сильнее. В сердцах схватился за корешки нескольких книг и потянул их на себя. Огромная полка затрещала. Сухое дерево, потревоженное крепкой юношеской рукой, больше не могло сдерживать тяжелые веи истории. Стеллажи накренились и с грохотом повалились вниз. Он кинул вызов, и бумажные стражи библиотеки откликнулись!

Книги, словно отчаянные воины, ринулись в атаку, ударяя возмутителя спокойствия по голове, спине, рукам. Острыми уголками, тяжелыми обложками, хлесткими страницами – они навалились на Рика со всех сторон. Юноша лишь беспомощно защищался, больше не высказывая пустых оскорблений.

Последняя книга больно саданула бедолагу в висок и, упав, раскрыла страницы, будто поверженная птица крылья. Рик, дрожа и проклиная себя за несдержанность, не сразу решился поднять голову и осмотреть место сражения.

Полки, упершись в стену, грозно нависали над головой, а удовлетворенные минутной схваткой толстенные фолианты валялись на полу, создавая впечатление каменного плато. Картина ужасала. Сотни томов с укоризной взирали снизу-вверх на нерадивого наследника. Его отец никогда не позволил бы себе такого; он никогда не отнесся бы к ним таким варварским образом, потому что всегда соблюдал правила! И ничего с ним не случилось. Тихая и размеренная жизнь приносила ему одно удовольствие.

«Он ни за что на свете не стал бы кричать в библиотеке! И не разрешил злости руководить им».

Голос отца эхом мелькнул у юноши в голове и мгновенно исчез.

– Хватит, я все понял! Простите... – устало произнес Рик, обращаясь к книгам.

Монотонное жужжание и навязчивые мысли мгновенно прекратились. Бумажные воины, получив желаемое извинение, больше не собирались учить его прописным истинам.

Юноша уже сделал осторожный шаг к двери, как внезапно остановился. Среди вороха пузатых томов его внимание привлекла совсем новая кожаная обложка, сквозь которую тянулась красная нить дешевого переплета. Но ни это бросилось в глаза, а то, что развернутые страницы были абсолютно пустыми. Он склонился над книгой и прикоснулся к ней. Вздрыгнул, когда сквозняк заставил листы перевернуться, и из глубокой грифельной пелены на Рика уставились огромные с прищуром глаза. Карандашный набросок выглядел очень реалистично. Вобрав в себя все: страх, ненависть, одиночество и безумие, он пугал и одновременно притягивал к себе. И если бы Рик увидел его пару дней назад, то решил бы, что последние дни жизни отец провел в агонии странных видений. Но сегодня он взирал на творение родителя иначе. Вызывая дрожь в сердце, из карандашного тумана на него смотрели глаза мистера Невежи.

Почувствовав легкое головокружение, юноша попытался отстраниться от внезапной находки, но вместо этого упал на колени и уткнулся в изображение лицом. Перед глазами мгновенно возник образ грузного моряка, наставительно указывающего на кожаную с красной закладкой обложку. Дрожащей рукой Рик поднял книгу, которая оказалась весьма легкой для своих размеров и толщины. Он не осмеливался изучить ее более внимательным образом, а просто прижал к груди. Сердце застучало, будто настенные часы в гостиной, а прошлое в очередной раз неугомонно вторглось в жизнь Лиджебая-младшего. Миллионы правил, шипя и грозно предостерегая запретами, тут же напомнили о себе и о своем создателе.

* * *

Рик устроился в отцовском кресле. Он долго не решался вновь притронуться к обложке, на которой красовалась выпуклая печать с инициалами «Л.Р». Зажатый страницами выглядел багровый язычок закладки, а красная нить напоминала... Нет, никаких сравнений! Рик в раздражении отвернулся, не желая тонуть в бесчисленных ассоциациях, вызванных отцовской находкой.

Вроде бы ничего особенного. Книга как книга. Если бы не одно «но». Достаточно было на пару секунд отвлечься, и она незамедлительно напоминала о себе. Проникнув в голову, книга затмила собой все вокруг: вначале странным образом отразилась в зеркале, затем появилась среди толстых фолиантов на полке, а потом, и вовсе, стала мелькать перед глазами, с завидной периодичностью...

Нужно отвлечься. Рик подошел к крохотному столику, на котором красовалась огромная ваза с шикарным букетом цветов. Желтые лепестки утопали в нежно-голубой и фиолетовой свежести маленьких бутончиков. Такие вот непревзойденные шедевры искусства украшали сейчас весь дом, наполняя его дивными ароматами.

«Не смей разводить цветы! Сплошная аллергия от них право слово!»

Это правило когда-то заставляло Клер сходить с ума, часами на пролет рыдая у себя в комнате. Зато в день, когда умер мистер Лиджебай, и этот запрет потерял свою значимость, новая жизнь засверкала для Клер душистыми красками, а дом, в свою очередь, наполнился неповторимым благоуханием.

Следующее нарушение стерлось незамедлительно: девушка, без всякого зазрения совести устроилась в цветочную лавку мистера Бишепа. Ту самую, что располагалась на углу двух торговых улочек, Менялы и Честного торгога.

Хитросплетение удивительных запахов быстро изгнало из дома ужасную затхлость, что витала в нем под покровительством Джейсона-старшего, считавшего, будто пыль – это лучшая защита его бесценной коллекции.

Остановившись у покосившихся полок, где плотными рядами притаились собрания сочинений двух братьев путешественников Колбери и Квита, юноша грустно улыбнулся. Так дорожить, так лелеять эти неподъемные фолианты и внезапно отдать старьевщику два бесценных экземпляра коллекции. Довольно странный поступок. А теперь еще этот настырный гость...

Рик снова устался на кожаный переплет, желая в одно мгновение раскрыть секрет отцовского дневника. Но боязнь запрета удерживала его от решительных действий не хуже злобного чербера.

– Нет, так продолжаться не может! – устав играть в гляделки, выпалил юноша. В конце концов, отец не воскреснет из мертвых, узнав, что сын без спроса взял одну из его вещей.

Рик чувствовал себя жалким узником, который покинув тюремные стены и теперь безумно боится совершить совершенно безобидную вещь. Не став больше мучить себя угрызениями совести, он подошел к столику и решительно взял книгу с красным теснением, чтобы открыть ее на первой же странице. Податливая бумага ударила в глаза невероятной белизной, а чернила поразили своим насыщенным цветом, словно строки появились не год назад, а буквально этим утром.

Прочитав с десятков незамысловатых предложений, Рик разочарованно отложил бесполезное творение отца в сторону. И ради этого он испытывал душевные терзания?! Никакого великого смысла, тайного знака или иного намека. Обычная зарисовка, мираж привидевшийся мистеру Лиджебаю через окно кабинета. Спешащие по своим делам люди, груженные повозки, кареты и неопределенный силуэт рослого мужчины – то ли моряка, то ли заплутавшего чужеземца с быстроходного галеона. Последнее предложение оказалось сбивчивым, нервным, словно рука отца в этот момент дрогнула, и перо, изобразив на странице оригинальную завитушку, соскочило, решило оставить историю незавершенной.

Рик закрыл книгу, с досадой вздохнул, поджал колени и поудобней примостился в глубоком кресле. Какое-то время смотрел на извивавшиеся в камине лепестки огня. Потрескивая и огрызаясь искрами, пламя навевало невероятную умиротворенность. Огонь не интересовали людские проблемы, только жадное поглощение древесины и стремление победить вечерний полумрак.

«Неужели отец, способный так ярко и красиво излагать свои идеи, просто сдался? Ограничился всего десятью строчками?! Взялся за перо и только пару раз макнул его в чернильницу?» Мысли без предупреждения ворвались в голову, не спеша покидать уютное пристанище. Пламя умело навязывало сложные, порой бесконечные рассуждения, постепенно усыпляя и успокаивая разум. И Рик не стал исключением. С этим жизненным правилом он был не в силах совладать, даже благодаря здравому смыслу...

* * *

Ненавидя отца за крутой нрав, в тайне юноша все же испытывал к нему совершенно иные чувства. И порой он ужасно завидовал умению родителя создать вокруг себя некий ореол

загадочности, скрыть очевидное от посторонних глаз, заставить ближнего десять раз подумать, прежде чем решиться заговорить с ним. В то же время, родитель был слишком скор на расправу. Опутав дом клубком запретов, отец не выносил, когда его пытались послушаться не только близкие, но и совершенно посторонние люди. А между тем, Рик видел в родителе невероятного мечтателя, способного перевернуть мир с ног на голову и с легкостью оживить те предметы, что всегда казались лишенными души. И все-таки, главным достоинством Лиджебая было его умение создавать вокруг себя тайну. Он делал это с такой непосредственностью, будто заранее знал, что и где должно случиться. Выбирая цель и оптимальный путь для ее достижения, он как опытный картограф протягивал цепь последовательных шагов. Умело маскируя подсказки, будто искусный охотник, он терпеливо наблюдал за жертвой, которая отчаянно пыталась раскрыть секрет очередной головоломки.

Однажды, в роли беспомощного кролика, оказался сам Рик. Отец спрятав все учебники сына и не произнес ни слова, пока юноша не отыскал семь подсказок. В конечном итоге он обнаружил-таки тайник: на кухне за амбарной дверью, где хранился рабочий скарб. И тогда отец сухо похлопал отпрыска по плечу и наставительно произнес: «В следующий раз задам задачку посложнее», – и сутулясь, удалился в библиотеку.

«Может быть, это и есть тот следующий раз? Тогда получается, визит незнакомца – всего лишь первый шаг...»

– Это в вашем духе, мистер Лиджебай, – задрал голову, неизвестно к кому обратился Рик.

Огонь в камине немного вздрогнул, хотя юноше это могло просто показаться. Битый час он крутил в голове бессмысленные фразы, знакомые сочетания звуков, попробовал даже прочитать предложения задом-наперед, но так ничего и не вышло. Взирая на жалкие потуги, книга, словно специально, по наставлению самого мистера Лиджебая, не спешила выдавать скрытые в ней секреты. А может быть, и нет никакой загадки? Простое совпадение, дань воспоминанию или дурацкое стечение обстоятельств, породивших страстное желание превзойти родителя хоть в чем-то...

Поджав губы, Рик резко откинул книгу в сторону:

– Святые угодники, когда же он оставит нас в покое?!

Внезапная ненависть всего за пару минут достигла гигантских размеров. Давно забытые обиды, боль, скованность – все, чем окружил Лиджебай своих детей, теперь казалось гнусным призраком, который все еще хранит отголоски прошлого. И мистер Невежа входил в его когорт. Именно он пытался вернуть Рика в тот мир, куда тот не хотел возвращаться ни за что на свете. Втянуть в безобидную игру, запутать в собственных мыслях и в итоге – заставить вспомнить прошлое...

Зачем?

Нет! Рик больше не желал погружаться в зловонное болото отцовских страхов.

Внезапно из дальнего угла гостиной раздалось протяжное урчание. Вальяжно вышагивая и напоминая о своем существовании громким мурлыканьем, на Рика внимательно взирал черный пушистый кот. Года три назад его приютил Лиджебай, и с тех пор мистер Тит, так нарекла своего любимца Клер, чувствовал себя полноценным хозяином этого скромного жилища. Он приходил и уходил, когда ему вздумается, то есть поступал как истинный представитель своего семейства. Но в отличие от Рика, всегда пользовался благосклонностью хозяина, особенно в те промозглые дни, когда огонь в камине не грел, а лишь жадно похрустывал сухими дровишками. Тогда мистер Лиджебай закутывался в толстый плед и читал очередную книгу о далеких приключениях, а Тит, сворачиваясь клубочком на коленях старика, мурчал в свое удовольствие, щедро даря свое тепло. Кот знал, как угодить благодетелю.

В доме Джейсонов хвостатый бродяга чувствовал себя более чем вольготно. Мистер Лиджебай как ребенок радовался кошачьим выкрутасам и никогда не ругал животное, чем еще больше злил сына. Клер частенько корила брата за глупую ревность, объясняя, что кот – суще-

ство, приносящее радость, а не отнимающее родительскую любовь. Рик хмурился, но упрямо копил в себе ненависть.

После смерти хозяина мистер Тит стал появляться все реже. Часто бродил по комнатам в поисках покровителя и, обнаружив только пустое кресло, удалялся восвояси.

Но сегодня визит кота стал для Рика настоящей неожиданностью. Наверное, хитрец проскочил в западное окно, которое вечно открывалось от сквозняка, – предположил юноша. Погладив кота, он попытался взять его на руки. Однако тот резко вырвался и отскочил в сторону.

– Ну чего ты? Давай мириться, – покосился на пушистого Рик и протянул руку.

Кот несколько минут сидел в замешательстве, а затем осторожно приблизился и понюхал кончики пальцев. Юноша почувствовал легкую щекотку.

– Давай, не бойся... Если не хочешь, не буду тебя трогать.

Мистер Тит облизнулся и окончательно успокоился, стал тщательно умываться. Рик отвлекся, и взгляд его в очередной раз нашел отцовский дневник. Тем временем, подняв хвост трубой, кот вдруг кинулся к двери, ведущей в кабинет покойного мистера Лиджебая, и застыл возле щели. Некоторое время Тит подглядывал в кабинет, а затем принялся нервно скрестись о деревянный косяк. И вскоре его усилия увенчались успехом – дверь скрипнула, и кот прошмыгнул внутрь.

Затаив дыхание, Рик замер. Целый год кабинет находился под замком, и никто не смел тревожить покой того места, где еще витал дух отца. Тут уже сестра установила свое правило – никогда и ни под каким предлогом не нарушать границы комнаты. Пусть она станет скромной спальней не реализованного таланта Лиджебая Джейсона! Навечно!

Рик с трудом проглотил застрявший в горле ком и на ватных ногах приблизился к полуоткрытой двери – кот был уже за пределами границы.

Рука сама подхватила со стола книгу в кожаной с красной тесьмой обложке. У двери Рик не сразу решился дотронуться до массивной бронзовой ручки. Но из кабинета слышалось призывное мяуканье. Тогда юноша зажмурился и, кляня себя за нерешительность, все-таки переступил запретный порог. В нос ударил тяжелый запах пыли и затхлости давно непроветриваемого помещения. Рик закашлялся, схватился за воротник и дернул его изо всех сил. Верхняя петля камзола с треском лопнула, позволив юноше глотнуть чуть больше воздуха, на его лбу выступила испарина. Рик сам не понял, как очутился у огромного окна. Но легче от этого не стало. Тяжелый воздух кабинета давил на него, пытаясь во что бы то ни стало выпроводить непрошеного гостя. Только юноша не собирался сдаваться. Бешено озираясь по сторонам, одним махом сорвал тяжелую портьеру и дернул раму на себя. Поток свежего воздуха ворвался в обиталище вековой пыли. Лежащие на столе бумаги зашуршали, подавшись легкому сквозняку, и Рик обессилено повалился в кресло.

Внезапный прилив сил вызвал на лице улыбку. Еще одна маленькая победа над прошлым оказалась не такой уж сложной. Рик представил, как тонкие нити, связывающие его с воспоминаниями об отце, превратились в тлен. Возможно, витающий по дому призрак Лиджебая теперь успокоится и перестанет являться в ночных кошмарах и поджидать в мрачных углах родового особняка.

Окончательно осмелев, Рик все-таки решил осмотреться. Но невидимая стража, оказывается, не дремала. Сотни шипящих голосов в один миг зароились в голове предупреждающим шепотом.

Правило нарушено!

Вина очевидна!

Ты поступил о-о-очень плохо!

Наступило оцепенение, а чуть позже тело охватил страх, от которого нельзя было укрыться. Голос родителя прозвучал строго и однозначно.

«Что я наделал! Как только мог приступить запрет и забыть отцовские предостережения!» – мысли Рика хаотично закружились по кабинету, насмехаясь над юношеской неосмотрительностью.

«Зачем я только зашел сюда?! Зачем?!»

В поисках оправдания, Рик не смог поймать ни одного весомого. И в этот самый момент хаотичные мысли нарушил громкий голос кота: тот либо зевнул, либо мяукнул от удовольствия, но эффект удался на славу. В мгновение ока Рик пришел в себя, осознав, что находится в запретном кабинете совершенно один. При всем уважении к мистеру Титу, тот был не в счет. Голоса куда-то исчезли, а на душе стало легко и спокойно.

Рик прислушался к тишине, заозирался по сторонам. Все выглядело как прежде. Еще в те времена, когда мистер Лиджебай в легкой задумчивости склонялся над чистым листом бумаги и, зажигая несколько свечей, чтобы отступила тьма, начинал писать, в такие часы дом окутывала сокровенная тишина, которую не смел нарушить даже дотошный посыльный, частенько доставлявший старшему Джейсону небольшие свертки. Что было внутри, Рик не знал, но судя по реакции отца, содержимое являлось довольно ценным. Но даже этот факт не давал посыльному права беспокоить мистера Лиджебая, когда тот начинал свой кропотливый труд. В один из таких неудачных визитов, получив посылку, создатель запретов спустил бедолагу с лестницы, оставив без чаевых. Тогда, тайком наблюдая за решительными действиями отца, Рик в очередной раз отметил, что совершенно не знает его. Мистер Лиджебай – худощавый и слегка сгорбленный учитель словесности, пожелавший довольно рано уйти в отставку и коротать старость среди пыльных томов библиотечной коллекции, не уставал поражать своего сына порой эксцентричными, но весьма решительными действиями. Для окружающих покладистый и мягкий, в один миг он мог вспыхнуть, словно вулкан, становясь настоящим стихийным бедствием.

Рик так и не решился сесть в глубокое обитое темной кожей кресло, а остановился возле стола. Письменные принадлежности находились на своих местах – педантичность была еще одной особенностью Джейсона-старшего. Гусиное перо, воткнутое в песочницу, стояло ровно посередине стола; чернильница из сандалового дерева располагалась чуть правее – возле стопки бумаг, а фамильная печать семейства Джейсонов – в левой. Ну а инструменты для заточки перьев, как всегда, лежали поблизости.

Рик протянул руку и сразу одернул ее. Дымка запрета все еще витала над рабочим местом, пристально следя за исполнением бесчисленных правил.

Мистер Тит равнодушно наблюдал за юношей, делая вид что дремлет. Но Рик чувствовал – зоркие кошачьи глаза контролируют каждое его движение. Он недовольно поморщился и повернулся к животному спиной. Не хватало еще, чтобы какой-то там кот диктовал ему свои условия. Эдакий душеприказчик мистера Лиджебая!

Итак, с чего бы начать? Какой предмет со стола может ответить на вопросы о странном посетителе? Первым на глаза юноше попался сложенный вдвое лист бумаги. Он приоткрылся под кусочками воска, словно невзрачный черновик, который убрали в сторону за ненадобностью, но отчего-то не выкинули в корзину. Рик осторожно развернул его и обомлел. Карандашный набросок сильно напомнил ему все того же мистера Невежу. Огромный плечистый человек в широкополой шляпе и с трубкой в зубах выплывал из грифельного тумана, словно живой. Еще один портрет на скорую руку. Но на этот раз более четкий, не оставляющий никаких сомнений: отец действительно был знаком с этим человеком.

В голове вихрем промелькнули последние строчки из отцовских мемуаров: «...он появился из-за поворота, будто призрак, рожденный моим воспаленным разумом. И я понял – не будет мне больше прощенья и пощады. Он наведася ко мне, чтобы напомнить о давнишних прегрешениях. Бесплодное видение улыбнулось и исчезло в тумане. Видимо не сегодня. И скорее всего, не сейчас. Я облегченно выдохнул».

От последних слов мороз побежал по коже. Рик живо представил вечерний сумрак и таинственную встречу со здоровяком, который пару часов назад назвался старинным другом мистера Лиджебая.

Стоило перелистнуть страницу книги, и перед ним открылась целая череда вопросов и противоречий. Лист с рисунком имел оборванный край и идеальный белый цвет. Такие безупречные параметры Рик видел только в одной книжке. Пролистав дневник отца заново, от корки до корки, юноша затаил дыхание и разочаровано выдохнул – переплет был в безупречном состоянии, словно на месте вырванного листа появилась новая, девственно чистая страница.

Тем временем, вытянув спину, мистер Тит наслаждался просторным креслом и, судя по его надменной физиономии, предлагал Рiku самостоятельно докопаться до хитросплетений судьбы покойного хозяина.

День второй. Когда розы становятся серыми, а старьевщик теряет голову

Цветы длинными стеблями тянулись к свету, заслоняя собой широкие окна небольшого, но весьма уютного магазинчика. Крохотный домик прятался за высокими каменными гигантами, на пересечении улиц Безразличия и Гордости.

Порой колокольчик у входа не замолкал ни на минуту. И тогда возле двери слышались вежливые приветствия, а добродушный хозяин незамедлительно начинал описывать прелести и без того прекрасной оранжереи. Цветы на любой вкус: от ярко-алых до темно-сиреневых оттенков. Здесь можно было подобрать не только букет, но и насладиться невообразимым калейдоскопом пьянящих ароматов. Даже в самый пасмурный день или жуткое ненастье покупатели расцветали в улыбке, завидев крохотные розы пип – гордость мистера Бишепа, владельца цветочной лавки.

Созерцание порой занимало столько времени, что покупатели охали и ахали, когда, приобретя заветный букет или горшок с редким растением, понимали, что нещадно опаздывают.

Клер Джейсон, пряча улыбку, всегда разделяла удивление гостей и никогда не забывала напоминать в след: «Мы рады видеть вас снова!» Для нее это был определенный ритуал. Пунктик. Но она называла его иначе – привычка, обязательство, даже лучше, обычай, – но только не правило! От одного этого слова ее коробило, а перед глазами возникал образ нерадивого родителя, который был готов на весь мир навешать ярлык своего неоспоримого мнения. Ну а в дни ненастья ограничения росли пропорционально плохому настроению. И в один ужасный момент правила мистера Лиджебая, заполонив весь дом под завязку, шипя и харкая, полезли наружу. Только внешний мир воспринял наветы Джейсона-старшего как некую насмешку. Клер хорошо помнила разразившийся скандал, когда ее папенька осмелился диктовать свои условия аптекарю, а затем булочнику и дворецкому с соседней улицы. Каждый из них отреагировал по-разному, но все одинаково бойко. И мистеру Лиджебаю ничего не оставалось, как вспылить, а через пару дней, и вовсе, отдать богу душу, покинув этот грешный мир на столь печальной ноте поражения.

Клер обронила горькую слезу, но не поставила свечу в день Порока. Потому что не желала возвращения прежних времен. Новый месяц больше не приносил ей разочарований. И ни к чему было прятаться за разноцветными лепестками цветов от серости и однообразия жуткого существования. Смерть отца принесла ей не горе, а радость, и вместе с ней – долгожданную свободу. Теперь домой Клер летела на крыльях счастья, каждый раз принося с собой новый букет из магазинчика мистера Бишепа.

В ее жизни изменилось практически все. Дурацкие запреты затерялись в обрывистых воспоминаниях, а затем превратились в тяжелую пыль на книжных полках домашней библиотеки. Только вот дух отца все еще будоражил родное жилище. Пару раз он являлся в виде безмолвной фигуры, возникал в отражении зеркала, но чаще напоминал о себе протяжными шагами по крыше. Так что, отец-тиран продолжал оставаться где-то поблизости и не собирался отправляться в иной мир.

Именно по этой причине Клер приняла твердое решение. Она заперла отцовский кабинет на все замки и спрятала ключ подальше от посторонних глаз. А библиотека... Что делать с ней? Растопить бумагой камин, либо отдать старьевщику?... Однако здравый смысл взял верх над эмоциями, и она решила оставить все как есть.

После предпринятых мер визиты призрака наконец прекратились, однако тяжелый дух недосказанности, притаившись где-то среди полумрака, время от времени оживлял тяжелые воспоминания.

Клер осторожно обрезала мертвый листок розовой бегонии, когда услышала короткий звук колокольчика. Вернее сказать, подумала, что тот зазвонил, потому как вряд ли новый посетитель мог проникнуть в магазин, оставив звонкого глашатая без работы.

– Чем могу помочь?... – тут же откликнулся мистер Бишоп.

Однако посетитель не торопился отвечать. Придержав пальцами широкополую шляпу, он слегка приклонил голову в знак почтения. Хозяин «Радужного бутона» ответил тем же.

Обычно в часы особенной занятости Клер подменяла мистера Бишоп за прилавком. Все остальное время посетители обращались исключительно к хозяину, а помощнице оставалось лишь молча наблюдать за милой беседой и по первому требованию ловко собирать дивные букеты. Сложнейший процесс выбора обычно занимал около получаса – по этой причине Клер не спешила откладывать работу, продолжая состригать омертвевшие листья. Но сегодня голос хозяина прозвучал раньше, что не могло не удивить его юную помощницу.

– Мисс Клер, вы не могли бы... – как всегда не закончил фразу Бишоп. В его голосе скользнули нотки недовольства.

Девушка приблизилась к прилавку и смогла хорошенько рассмотреть грузного посетителя. Ветхая одежда настоящего морского волка сидела на нем немного натянута, словно мужчина вырос и потолстел всего за пару часов, а не за добрый десяток лет. Лицо гостя тоже выглядело неоднозначно: широкий лоб и густые брови практически скрывали глубокие выцветшие глаза, а кожа на щеках и шее походила на потрепанный парус.

– Чего изволите? – улыбнулась своей привычной лучезарной улыбкой Клер.

В ответ гость вытащил из кармана трубку и, в обход всем манерам приличия, закурил. Яркие цветочные ароматы незамедлительно исчезли за пеленой тяжелого, слегка горьковатого запаха. Опешив от подобной наглости, Бишоп замахал руками и запричитал, словно беспокойная наседка.

– Что вы делаете, мистер?! Как смее?! У нас есть определенные правила!..

Гость оскалился:

– Ненавижу правила.

– И все же я прошу вас! Нет, я требую!

В лицо хозяина ударили плотные серые клубы. Посетитель явно издевался над цветочником.

– Я буду вынужден позвать стражу, – откашлявшись, наконец выпалил хозяин.

– Безусловно, – согласился гость. В один миг он практически слился с Бишопом и, прижавшись к его уху, прошептал что-то невнятное. Клер только ахнула – так стремительно это случилось.

Непонятные слова гостя дурманящим благоуханием разлетелись по магазину, заставив мысли девушки закружиться в танце истинного безумия. Она едва устояла на ногах, не в силах оторвать взгляда от происходящего.

Одурловатое лицо цветочника отчего-то сделалось широким и легким словно тесто, веки опали, а глаза стали почти прозрачными. Он развернулся на месте, но не пошел, а поплыл к дальнему выходу, куда частенько выносил испорченные цветы. Клер замерла на месте, молча наблюдая за тем, как в темном проеме исчезает невысокая фигура мистера Бишоп. Она хотела окрикнуть его, но слова предательски застряли в горле. Когда цветочник скрылся за дверью, и послышался звук запирающегося замка, помощница окончательно потеряла самообладание. Реальность стала кошмарным сном, не имевшим никакого логического объяснения.

Тем временем гость выпустил очередную порцию дыма. Морщины расплзлись в стороны и словно занавес открыли на всеобщее обозрение пеньки гнилых зубов.

– Что вам надо? – почти взмолилась Клер.

– Разговор.

– Простите?

– Только разговор, мисс Джейсон. И ничего большего. В любом другом случае я не стал бы беспокоить вас в вашем вонючем убежище, – пояснил гость.

Не доверяя словам незнакомца, Клер осторожно отступила к подоконнику с цветами.

– Не бойтесь, мисс. Я не задержу вас больше положенного...

– И не причините вреда?

– Сегодня?... Конечно же нет, – уверенно ответил гость.

Клер нахмурилась и едва заметно повела бровью. Страх завис в воздухе и раскачивался словно маятник, но слава святым угодникам, еще не переродился в настоящий ужас.

Гость наслаждался трубкой, от души чихнул и, сплюнув на пол, произнес:

– Не стану тянуть время, мисс Джейсон. Меня зовут мистер Сквидли, и я старый друг вашего покойного отца Лиджебая Джейсона.

– Что? – выдавила из себя Клер.

– Не удивляйтесь. Мы не виделись с вашим покойным папашей больше двадцати лет. Но раньше, как говорят в таких случаях, были не разлей вода... когда совершали одно увлекательнейшее путешествие морем.

– Отец был мореплавателем?

– В самую точку, мисс, – согласился незнакомец. – Настоящий покоритель чужих океанов.

Клер недоверчиво сморщила носик. Но гость продолжал, не обращая на нее внимания:

– Поверьте, то были славные времена. Ваш отец был хорошим малым, не ведающим страха. Эх, лихой тип, способный в одиночку пустить корабль в плаванье и с такой же легкостью отправить его на дно.

– Верится с трудом, – заморожено пролепетала девушка.

В ответ последовал короткий кивок.

– Что же вы хотите от меня?

– Сущая безделушка: мемуары вашего отца. Работу над ними он начал перед самой смертью. Но, к великому сожалению, успел написать лишь пару скупых строчек.

– Вы весьма осведомлены для человека, который очень давно не видел своего старинного друга, мистер Сквидли, – с явным недоверием заметила Клер.

Собеседник не стал отвечать, будто ждал еще одного подобного вопроса. Клер в свою очередь, сложив руки на груди, желала слышать ответ. Мистер Сквидли ей ужасно не понравился. Грубый, напористый, явно скрывающий под своим навязчивым визитом гораздо больше, чем могло показаться на первый взгляд. Не выдержав ее взгляда, гость все-таки сдался:

– Вы правы, мисс Джейсон. Ваш покойный родитель часто писал мне. И если бы не роковые обстоятельства, я наверняка застал бы его в здравии, а не оказался у занесенной прошлогодними листьями могилы.

– Мой отец вел переписку? – не часто Клер приходилось удивляться несколько раз на дню, но сегодня был именно такой случай.

– Видимо, вы не слишком дружили с отцом, – утвердительно произнес мистер Сквидли, слегка склонившись вперед и опершись на прилавок.

Сильный запах табака ударил в нос. Клер немного отстранилась, но осталась на месте.

– Отец писал о семейных неурядицах?

– А разве они были? – заметно усмехнулся гость. – На мой взгляд, вас настолько поработили его бесконечные правила, что ни о чем кроме ненависти не могло идти речи.

Девушка едва не открыла рот от удивления. Она всю жизнь считала, что отец был замкнутым человеком и не имел хороших приятелей, способных выслушивать его бесконечные нравоучения. И тут появился близкий друг, знавший об их семье более чем достаточно.

– Не удивляйтесь, Клер. Старина Лиджебай сильно сдал за последнее время, замкнулся. Но он не был деспотом. Просто...

Собеседник не успел договорить. В дверь с черного входа постучали, да так основательно, что девушка вздрогнула и обернулась. С улицы послышался встревоженный голос цветочника.

– Крепкий малый. Раньше он не славился чем-то подобным, – без особых эмоций констатировал мистер Сквидли.

– Что вы с ним сделали?

– Ровным счетом ничего. Всего-навсего попросил прогуляться, пока мы с вами мило побеседуем.

– И только?

Широкополая шляпа слегка качнулась вниз-вверх, обозначив согласие. Затем Сквидли щелкнул пальцами, и звук на улице внезапно прекратился. То ли мистер Бишоп побежал за стражей, то ли успокоился и решил не вставать на пути у старого моряка.

– Продолжим. – морщинистое лицо вытянулось, а в мутных глазах появился неподдельный блеск. – Кстати на чем мы остановились?

Клер повиновалась, прекрасно понимая, что иного выхода у нее просто нет.

– Вы говорили о мемуарах моего отца. Зачем они вам?

Пухлые пальцы здоровяка, скованные старыми, почерневшими от времени кольцами, забарабанили по деревянной поверхности.

– Скажем так, я ценитель, а если быть точнее, истинный коллекционер великого таланта вашего покойного родителя!

– Таланта?!

– Именно, мисс Джейсон. Я с удовольствием открою вам глаза. Ваш отец был искусным сочинителем. Ведь каждая вещь, описанная им в дневниках, сущая правда. Он не обнародовал свои истории, но выдержки из них направил мне, как своему единственному читателю.

– Не слыханны... – Клер хотела добавить еще что-то, но, к сожалению, так и не нашла слов. Слишком громоздко выглядела сегодняшняя новость, чтобы отреагировать на нее как-то иначе.

– И все же, я говорю истинную правду, – слегка прищурился мистер Сквидли и продолжил поражать девушку, выдавая все новые и новые подробности неведомой биографии покойного родителя. – Таких историй накопилось больше десятка. И каждая – шедевр! Для вас, возможно, они пустой звук, но для меня – память о былых приключениях. Пусть даже не полностью, а всего лишь жалкие наброски. Но именно они греют мне сердце, будоражат сознание. А главное, заставляют жить по-настоящему, – он выдержал поистине театральную паузу. – Вас что-то смущает? Не волнуйтесь, сделка будет честной. И поверьте, я не поскуплюсь...

Из твердого как скала здоровяка, мистер Сквидли, опустив плечи и слегка сгорбившись, в одну секунду превратился в измученного жизнью старца, коротающего свой век у рыбацких снастей. Только сейчас напряженность между ним и Клер немного спала. Первое впечатление растаяло без следа, и девушка почти поверила. Ей отчего-то стало ужасно жалко этого бывшего морского волка, который преследует весьма безобидную цель, и тем вызывает настоящее уважение.

– Простите, но как бы я не хотела удовлетворить вашу просьбу, я не смогу этого сделать, – Клер тяжело вздохнула. – Отец никогда не рассказывал нам о своих мемуарах. И даже при всем желании я не в состоянии оказать любезность столь деликатного рода и передать вам труд моего отца, поскольку у меня его просто-напросто нет. Я могу заявить об этом с полной ответственностью. После смерти сохранились лишь пожелтевшие никому не нужные философские трактаты и исторические хроники. Но только не мемуары.

– То же самое сказал мне и ваш брат... – согласился гость и, немного помедлив, добавил: – Правда, немного другим тоном.

– Вы говорили с Риком?

– Имел честь, – кивнул мистер Сквидли.

– Но зачем?

Девушка едва не взорвалась от возмущения. Хотя Рик был немногим младше Клер, всего каких-то два с небольшим года, после смерти отца она стала ему опекуном. Хлопоча над ним словно наседка, она сама не заметила, как установила множество новых запретов – лишь бы отгородить его от всякого рода неприятностей. Возможно все произошло именно так, потому что потерять единственно близкого человека, который остался на этом свете, теперь казалась Клер страшнее самых жутких адовых мук.

– Не переживайте, мисс. Я не стану больше утомлять вас своим излишним вниманием. Попрошу лишь об одном – поговорите от моего имени с Риком. Возможно, он окажется проворнее вас и отыщет книгу в библиотеке. Если так случится, буду весьма вам признателен. А возникнет необходимость со мной встретиться, так я остановился в гостинице «Дорожная пыль», той самой, что возле торговой части порта.

После этих слов лицо мистера Сквидли стало скучным, почти безразличным ко всему происходящему. Минувя все приличия, он развернулся и медленно побрел к выходу, оставив после себя лишь тошнотворный запах табака с неприятным привкусом недосказанности.

Дверь отворилась и осторожно возвратилась на место – колокольчик не отреагировал. Шаркающие шаги еще долго доносились с улицы, а вот силуэт одинокого моряка мгновенно растворился в толпе. Пытаясь отстраниться от тревожных мыслей, Клер сама того не желая вернулась в прошлое, и сразу же утонула в водовороте старой и такой ненавистой ей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.